

Глава 1

Лондон

Осень 1848 года

Найти человека в почти двухмиллионном городе — задача не из легких. Хорошо еще, если поведение этого человека предсказуемо, тогда можно хотя бы попытаться найти его в определенной таверне либо в винной лавке. Но даже в таком случае поиск будет затруднительным.

«Где ты, Лео?» — в отчаянии думала мисс Амелия Хатауэй. Бедный, сумасбродный, несчастный Лео. Некоторые люди просто теряются перед лицом невыносимо тяжелых обстоятельств. Именно так случилось с ее прежде вполне предсказуемым братом. А сейчас он, вероятно, перешел уже границу отчаяния и не остается надежды его спасти.

— Мы найдем его, — сказала Амелия с уверенностью, которой вовсе не чувствовала. Она взглянула на сидевшего напротив нее цыгана, но смуглое лицо было непроницаемым. Впрочем, ничего необычного, Меррипен был человеком с крайне ограниченными эмоциями. Он был настолько сдержанным, что, даже прожив в семье Хатауэй пятнадцать лет, так никому и не сказал, как же его на самом деле зовут. С того дня как его нашли избитым и без сознания на берегу ручья, протекавшего по их имению, они знали его просто как Меррипена.

Когда Меррипен пришел в себя и увидел окруживших его любопытных членов семьи Хатауэй, он поднял настоящий бунт. Пришлось силой заставить его оставаться в постели и уверить, что если он не будет лежать смиренно, ему станет только хуже. Отец Амелии пришел к выводу, что мальчику повезло остаться в живых после страшной охоты на цыган, которую время от времени предпринимали местные землевладельцы: они садились на коней, вооружались ружьями и дубинками и безжалостно расстреливали и избивали цыган, чтобы очистить от них свои владения.

— Они, по-видимому, решили, что мальчик мертв, — рассудил мистер Хатауэй. Он был человеком образованным и придерживался прогрессивных взглядов, осуждая насилие в любой его форме. — Боюсь, что связаться с его соплеменниками нам не удастся. Они, скорее всего, уже ушли далеко.

— Можно, чтобы он у нас остался, папа? — с жаром воскликнула младшая сестра Амелии Поппи, не обращая внимания на Меррипена, который оскалил зубы, словно волчонок, видимо, опасаясь, что может стать для этой девчонки новой игрушкой.

— Он может жить у нас сколько захочет, — улыбнулся мистер Хатауэй. — Но я сомневаюсь, что он останется дольше чем на неделю. Цыгане — кочевой народ. Они не любят долго задерживаться на одном месте. Им кажется, что тогда они перестают быть свободными.

Меррипен, однако, остался. Сначала он был маленьким и худеньким мальчиком, но потом с пугающей быстротой вырос в здорового и крепкого мужчину. Трудно сказать, кем был Меррипен: вроде не член семьи, но и не слуга. Хотя он работал на семью Хатауэй — был и кучером, и мастером на все руки, — но, когда хотел, ел с ними за одним столом, и его спальня была в основной части дома.

Теперь, когда Лео исчез и, видимо, попал в беду, само собой подразумевалось, что Меррипен поможет его найти.

Вообще-то было не совсем прилично, что Амелия отправилась в Лондон в компании такого мужчины, как Меррипен. В свои двадцать шесть лет она не очень-то нуждалась в сопровождении.

— Мы начнем с того, что исключим места, куда Лео точно не пойдет, — с энтузиазмом сказала Амелия. — Это церкви, музеи, высшие учебные заведения и районы, где живут богатые аристократы.

— Все равно остается почти весь город, — недовольно проворчал Меррипен.

Меррипен не любил Лондон. По его мнению, образ жизни людей так называемого цивилизованного общества был куда более диким и примитивным, чем это встречается в природе. Если бы ему пришлось выбирать — провести час в берлоге дикого кабана или в светской гостиной, он, не колеблясь, предпочел бы берлогу.

— Наверное, придется начать с таверн, — продолжала Амелия, не смущаясь его недовольством.

Меррипен бросил на нее мрачный взгляд:

— А вы знаете, сколько в Лондоне таверн?

— Нет, не знаю, но до конца дня я это выясню.

— Мы не поедем по тавернам. Лео пойдет туда, где он наверняка попадет в беду.

— И куда же? Может, ты знаешь такое место?

— «Дженнерс».

«Дженнерс» был игорным клубом, куда ходили джентльмены, чтобы вести себя не по-джентльменски. Он был основан бывшим боксером Ивом Дженнером. После смерти владельца клуб несколько раз переходил из рук в руки, а в данный момент принадлежал зятю Дженнера лорду Сент-Винсенту. Далеко не безупречная

репутация лорда лишь увеличивала привлекательность заведения.

Членство в этом клубе стоило целое состояние. Лео настоял на том, чтобы вступить в клуб спустя три месяца, как унаследовал свой титул.

— Если уж ты задумал умереть от пьянства, — не без сарказма сказала ему тогда Амелия, — то хотя бы выбери место, которое можешь себе позволить.

— Но я теперь виконт, — высокомерно заметил Лео, — и должен вести себя соответственно. Иначе что скажут люди?

— Скажут, что ты мот и дурак, а титул мог с тем же успехом перейти к мартышке.

Этот выпад вызвал у ее красивого брата лишь усмешку.

— По-моему, это сравнение несправедливо по отношению к мартышке.

Амелия тряхнула головой, словно отгоняя нахлынувшие воспоминания. Тревога все возрастала. Холодными пальцами она сжала виски. Лео и раньше внезапно исчезал, но на этот раз его отсутствие затянулось, как никогда.

— Мне еще не приходилось бывать в клубе, — сказала она Меррипену. — Это будет мой первый визит.

— Вам не разрешат войти. Вы леди. Но даже если разрешат, то я не позволю.

Амелия посмотрела на него с удивлением. Меррипен редко что-то ей запрещал. По правде говоря, заявление цыгана вызвало у нее раздражение. Она не собирается соблюдать светские приличия в момент, когда на карту поставлена жизнь ее брата. Кроме того, любопытно взглянуть на это привилегированное убежище для мужчин. Поскольку она, очевидно, обречена на участь ста-

рой девы, то может по крайней мере позволить себе насладиться маленькими радостями.

— А тебя туда тоже не впустят, — возразила Амелия. — Ты ведь цыган.

— Так случилось, что управляющий клуба тоже цыган.

Это было необычно. Даже странно. Цыгане считались ворами и мошенниками. Было просто поразительно, что цыгану доверили управлять денежными средствами, не говоря уже о том, чтобы разрешать споры, возникавшие у игровых столов.

— Он, должно быть, необыкновенный человек, раз занимает такое положение, — помолчав, заметила Амелия. — Хорошо, я позволю тебе сопровождать меня, когда мы войдем в клуб. Твое присутствие, возможно, сделает управляющего более сговорчивым.

— Спасибо, — сухо ответил Меррипен.

Между тем их крытая коляска въехала в центральную часть города, где были сосредоточены магазины, театры и всевозможные увеселительные заведения. Они ехали по широким улицам мимо красивых площадей, великолепных домов с колоннами и красиво подстриженными оградами из зелени.

Центр столицы был незнаком Амелии. Хотя их поместье и находилось недалеко от Лондона, ее семья редко бывала здесь, тем более в этом районе. Даже теперь, получив наследство, они не могли позволить себе праздные траты.

Глянув на Меррипена, Амелия удивилась тому, что цыган, без сомнения, знает, куда надо ехать, хотя он так же мало знаком с городом, как она. Но Меррипен обладал природным даром везде находить правильную дорогу.

Они свернули на Кинг-стрит, ярко освещенную газовыми фонарями. Вдоль мостовой стояло множество экипажей, тротуары были заполнены людьми, спешившими весело провести вечер. Закатное солнце окрасило горизонт, на фоне которого высокие здания торчали, словно зубы гигантских ведьм.

Меррипен направил коляску в узкую улочку позади огромного здания с внушительным фасадом. Это и был клуб Дженнера. Внутри у Амелии все сжалось. Было бы нереальным везением, если им удастся в первом же месте найти брата.

— Меррипен? — напряженным голосом сказала Амелия.

— Да?

— Тебе, верно, надо знать, что если мой брат еще не умудрился убить себя, то, когда мы его найдем, я застрелю его сама.

— Я вложу в вашу руку пистолет.

Амелия улыбнулась и поправила шляпку.

— Тогда пойдем. И помни — говорить буду я.

Запах в переулке был отвратительным. Пахло улицей, животными, помойкой и угольной пылью. Давно не было дождя, и грязь скапливалась на боковых улочках. Амелии пришлось резво отскочить в сторону, чтобы не наступить на крысу, пробежавшую вдоль стены дома.

В конце переулка двое уличных мальчишек, скрючившись у крошечного костра, жарили что-то на длинных палках. Амелии не захотелось задумываться над тем, что именно они жарят. Ее взгляд остановился на группе взрослых — трех мужчинах и женщине, освещенных неровным светом костра. Двое мужчин пытались драться, но были так пьяны, что их драка больше походила на цирковое представление танцующих медведей.

На женщине было яркое платье с большим вырезом. Она громко хохотала. Ее, видимо, веселило, что двое мужчин из-за нее дерутся. Третий пытался разнять приятелей.

— Эй, вы, парни, — кокетливо крикнула женщина, — я же сказала, что приму вас обоих! Незачем петушиться.

— Не вмешивайтесь, — предупредил Меррипен Амелию.

Но Амелия, притворившись, что не расслышала, подошла ближе. Дело не в том, что ее заинтересовала эта ссора — даже в их мирном поместье Примроуз-плейс случались драки. Все мужчины, независимо от их положения, время от времени становились рабами своих низменных инстинктов. Внимание Амелии привлек третий мужчина, тот, который встал между пьяными и пытался их урезонить.

Он был хорошо одет, как настоящий джентльмен, но... было видно, что он не джентльмен. У него были вьющиеся темные волосы, он был смугл и вообще выглядел чужеземцем. И он двигался с грацией дикой кошки, стараясь избежать случайных ударов.

— Милорды, — увещевал он их спокойным голосом, подставляя руку, чтобы защититься от удара кулаком. — Или вы сейчас же перестанете драться, или я буду вынужден... — Он отскочил в сторону, заметив, что стоявший позади него мужчина собирается наброситься на него.

Проститутка рассмеялась:

— Вижу, они тебя довели сегодня, Роан!

Но Роан вернулся на свое место между пьяными.

— Милорды, вы, конечно, знаете, — он быстро присел, потому что над ним снова просвистел кулак, — что насилием ничего не решается.

— Пошел к черту! — зарычал один из драчунов и, нагнув голову, решил боднуть Роана, словно обезумевший козел.

Роан отступил, позволив нападавшему врезаться головой прямо в стену дома.

Второй мужчина вместо благодарности прорычал:

— Будь ты проклят, Роан! Не вмешивайся! Я бы сам выпустил из него кишки! — Размахивая кулаками, он набросился на Роана.

Однако и его Роан очень быстро уложил на землю. Стоя над повергнутым, он шутливо спросил:

— Успокоились? Да? Очень хорошо. А теперь позвольте помочь вам встать, милорд. — Роан оглянулся на открытую дверь, ведущую в клуб, где стоял один из служащих, и приказал: — Доусон, проводите лорда Латимера к его экипажу. А я поведу лорда Селуэя.

— В этом нет необходимости, — сказал аристократ, поднявшись. Он явно протрезвел. — Я сам дойду до своей чертовой кареты. — Отряхнувшись, он добавил: — Я хочу тебя кое о чем попросить, Роан.

— Да, милорд?

— Если об этом узнают... если леди Селуэй узнает, что я дрался, чтобы завоевать благосклонность падшей женщины... моя жизнь не будет стоить ни гроша.

— Она никогда не узнает, милорд, — уверил его Роан.

— Она всегда все узнаёт. Она в союзе с дьяволом. Если тебя спросят об этой незначительной ссоре...

— Она случилась из-за особенно азартной игры в вист, — был спокойный ответ.

— Да, да. Ты хороший человек. — Селуэй похлопал Роана по плечу. — А чтобы тебе было легче держать язык за зубами... — Он достал из кармана жилета небольшой мешочек.

— Нет, милорд. — Роан отступил на шаг и решительно тряхнул головой, так что его черные кудри блеснули в свете фонаря.

— Возьми, — настаивал аристократ.

— Не могу, милорд.

— Деньги твои. — Селуэй швырнул мешочек под ноги Роана. — Так что решай сам — возьмешь их или оставишь лежать на земле.

Когда джентльмен удалился, Роан глянул на мешочек так, словно это была дохлая крыса.

— Мне они не нужны, — пробормотал он себе под нос.

— А мне пригодятся, — подскочила к нему проститутка. — Она подняла мешочек и подбросила на ладони, проверяя вес. — Господи, в жизни еще не встречала цыгана, который боялся бы денег.

— Да я не боюсь, — ответил Роан. — Они мне просто не нужны. — Вздохнув, он потер ладонью затылок и шею.

Женщина рассмеялась и с явным восхищением окинула взглядом его стройную фигуру:

— Я не люблю брать деньги просто так, не отработав. Не хочешь ли немного порезвиться, красавчик?

— Я ценю твое предложение, — вежливо ответил Роан, — но... нет.

Она кокетливо дернула плечом:

— Ну, как хочешь. Мне еще лучше. Прощай.

Роан кивнул в ответ и с преувеличенным вниманием уставился в одну точку перед собой. Он стоял неподвижно, словно прислушиваясь к каким-то еле различимым звукам. Потом снова потер шею и затылок и, медленно оглянувшись, посмотрел прямо на Амелию.

Когда их взгляды встретились, Амелия почувствовала, будто ее пронзило током. Хотя он стоял в нескольких шагах от нее, она на расстоянии ощутила силу его взгляда. Выражение лица Роана было ни добрым, ни злым, а, скорее, бесстрашным, словно он уже давно понял, что мир — жестокое место и надо принимать его таким, какой он есть.

Когда несколько отстраненный взгляд Роана скользнул по ее фигуре, Амелия знала точно, что именно он увидел: женщину в простой, но прочной одежде и практичных башмаках. Амелия была среднего роста, с темными волосами и чистой кожей, с румянцем во всю щеку, как у всех в ее семействе. Она была немного полноватой, в то время как в моде были худоба и болезненная бледность.

Не будучи тщеславной, Амелия все же понимала, что она хотя и не красива, но достаточно привлекательна, чтобы найти себе мужа. Но один раз она уже обожглась, и у нее не было ни малейшего желания снова рисковать. К тому же ей и без того хватало хлопот с ее беспокойным братом.

Между тем Роан от нее отвернулся и без единого слова направился к дверям клуба. Он шел не спеша, легкой походкой, будто давая себе время о чем-то поразмыслить.

Амелия подошла к двери одновременно с ним.

— Сэр... мистер Роан... вы, очевидно, управляющий этого клуба?

Он остановился и обернулся. Они оказались так близко друг от друга, что Амелия почувствовала запах разгоряченной мужской кожи. Под расстегнутым жилетом из роскошной парчи была видна белая рубашка тонкого полотна. Когда Роан поспешил застегнуть жилет, Амелия увидела несколько золотых колец на его пальцах. Ее охватила внезапная нервозность, корсет вдруг показался тесным, а воротник платья — слишком высоким.

Она заставила себя посмотреть на него в упор. Это был молодой человек лет тридцати с лицом экзотического ангела. Такая внешность определенно была создана для греха: чувственный рот, квадратный подбородок, золотисто-карие глаза под прямыми длинными ресни-

цами. Черные тяжелые кудри спускались почти на плечи. Амелия заметила, как в одном ухе сверкнула бриллиантовая серьга.

— К вашим услугам, мисс...

— Хатауэй. — Она повернулась, чтобы представить своего спутника: — А это Меррипен.

Роан глянул на него настороженно:

— Это слово у цыган означает и «жизнь», и «смерть».

Амелия удивленно подняла брови. Она никогда не задумывалась о значении имен. Меррипен слегка переделернул плечами и поморщился, всем видом показывая, что это не стоит никакого внимания.

— Сэр, — обратилась Амелия к Роану, — мы приехали, чтобы задать вам несколько вопросов...

— Я не люблю вопросов.

— Я ищу своего брата, лорда Рамзи, — упрямо продолжала Амелия, — и мне очень нужна информация... которой вы, возможно, располагаете... о том, где его можно найти.

— Я ничего бы вам не сказал, даже если бы знал. — Он говорил с небольшим иностранным акцентом и даже с намеком на аристократизм. Это был уверенный голос человека, который привык общаться с людьми самого разного сорта.

— Уверяю вас, сэр, я не стала бы причинять неудобства ни вам, ни кому-либо еще, если бы это не было абсолютно необходимо. Но прошло уже три дня, как мой брат пропал...

— Это не моя проблема. — Роан повернулся к двери.

— Он склонен водить дружбу с плохими людьми...

— Сожалею.

— Он даже, может быть, уже мертв.

— Ничем не могу помочь. Желаю удачи в дальнейших поисках. — Роан открыл дверь, собираясь уйти.

Его остановил Меррипен, заговоривший на языке цыган.

С тех пор как Меррипен впервые появился в их доме, Амелия лишь несколько раз слышала, как он говорил на этом языке. Язык звучал гортанно, с множеством согласных и растянутых гласных, но в нем была завораживающая музыка, связывавшая слова воедино.

Внимательно посмотрев на Меррипена, Роан прислонился к косяку двери.

— Это древний язык, — сказал он. — Я не слышал его уже много лет. Кто барон твоего племени?

— У меня нет племени.

Наступила пауза. Лицо Меррипена по-прежнему оставалось непроницаемым.

— Войдите. Я постараюсь что-нибудь узнать.

Они смогли войти в клуб без лишних церемоний. Роан приказал одному из служащих проводить их в закрытую для посторонних гостиную наверху. Амелия слышала голоса, звуки музыки и шум шагов, доносившиеся откуда-то снизу. Это был мужской улей, куда дамам вход был строго воспрещен.

Служащий отвел их в хорошо обставленную комнату и попросил подождать здесь возвращения Роана. Меррипен подошел к окну, выходившему на Кинг-стрит.

Амелию поразила неброская роскошь гостиной: голубой ковер ручной работы, обшитые деревянными панелями стены и обитая бархатом мебель.

— Вполне со вкусом, — отметила она, снимая шляпку и садясь к небольшому столику красного дерева. — Я почему-то ожидала увидеть нечто более... более кричащее и безвкусное.

— «Дженнерс» на порядок выше заведений такого типа. Он маскируется под клуб для джентльменов, хотя на самом деле здесь держат самый крупный банк в Лондоне.

Амелия встала и подошла к книжным полкам. Рассматривая книги, она спросила как бы невзначай:

— Как ты думаешь, почему мистер Роан отказался взять деньги у лорда Селуэя?

Меррипен бросил на нее саркастический взгляд:

— Вам известно, как цыгане относятся к материальному достатку.

— Да, я знаю, ваши люди не любят быть зависимыми. Но мне приходилось видеть, что цыгане не прочь получить пару монет за свои услуги.

— Дело не в желании быть независимым. Это гораздо больше. Если *chal* занимает такую должность...

— Что значит *chal*?

— Сын цыгана. Одеваться в дорогую одежду, долго оставаться на одном месте, получать такие деньги для него... стыдно. Неловко. Это противоречит его натуре.

Меррипен был так серьезен, так уверен в себе, что Амелия не удержалась и решила его поддразнить:

— А у тебя какие отговорки, Меррипен? Ты живешь в одном месте уже так много лет.

— Я другое дело. Во-первых, жизнь в вашем доме не приносит мне дохода.

Амелия засмеялась.

— Во-вторых... вашей семье я обязан жизнью.

Глядя на суровый профиль Меррипена, Амелия ощутила прилив любви к этому увальню.

— Какой же ты, право, — мягко заметила она. — Испортил мне удовольствие. Я пытаюсь тебя рассмешить, а ты все портишь своей искренностью. Ты же знаешь, друг мой, что не обязан оставаться с нами. Ты уже тысячу раз расплатился со своим долгом.

Меррипен покачал головой:

— Это было бы все равно, что бросить выводок цыплят, когда лиса неподалеку.